

к84(2РосР-м)6-5

и 46

Сергей Млыных

Видения на рассвете

к84(2Рос=Рчс)6-5
и 46

Сергей Млыных

Видения
на рассвете

9000817911

12070048

М.УН ЧБС

Сургут

Шадринск
2012

ББК 84Р7-5
И 46

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Ильиных С. В. Видения на рассвете. Книга стихотворений. – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2012. – 192 с.

Сергей Ильиных родом из Курганской области. Окончил филфак Шадринского государственного пединститута. Автор поэтических книг «Печальная симфония» (1994), «Пик новолуния» (1996) и «Тавро Козерога» (2004). Публиковался в альманахе «Литературная учёба», в газете «Литературная Россия», в коллективных сборниках. Член Союза журналистов России. Живёт и работает в Сургуте.

ISBN 978-5-7142-1380-9

- © Санников П. С., 2012
- © Шумай А. А., 2012
- © Ильиных С. В., 2012

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Когда читатель задаётся вопросом о содержании того или иного лирического стихотворения, ему невольно приходится испытывать сомнения в точности любого варианта своего ответа. И это вполне естественно, ибо можно ли исчерпать конкретными словесными формулами то, с чем сам поэт, лишь интуитивно соприкоснувшись, вряд ли пожелал бы перевести в плоскость общепринятых, тривиальных понятий? Ещё В.А. Жуковский, стремясь постигнуть тайну высокого творческого акта, в глубоком смятении воскликнул: «Невыразимое подвластно ль выраженью?», и не найдя ответа на этот вопрос в пределах наличного бытия, предположил: «Поэзия есть бог в святых мечтах земли!».

Всё это приходит на память, когда читаешь стихи Сергея Ильиных, объединённые в невеликую подборку с выразительным заглавием «Видения на рассвете». Тому, кто

впервые знакомится с этими стихами, может показаться странным такое заглавие, как будто бы сулящее ряд живописных картин и причудливых визуальных зарисовок. Действительно, ни в лирических миниатюрах Ильиных, ни в его поэмах вы не найдёте ни красочной колористики, ни пластически выраженных очертаний предметов, ни даже намёка на их телесную зримость. И всё же это подлинные видения, цель которых не в том, чтобы описать увиденное, а в том, чтобы запечатлеть эмоциональную реакцию на окружающий его мир и выразить её на языке ассоциативных впечатлений. Здесь взгляд не скользит по поверхности жизненных явлений, фиксируя их внешнюю оболочку, а обращён в область ментальных сущностей. Поэта интересует как раз то, что скрыто от беглого обывательского взора, что таится под трудно проницаемой завесой высшей реальности, тем самым как бы оберегая от внешнего воздействия свой сокровенный смысл.

Это неудержимо «влекущее познание иного» заставляет автора постоянно находиться на рубеже двух миров, двух состояний, двух полюсов бытия. Зыбкая грань дня и ночи, земли и неба, фантазии и реальности, сна и яви, которая даёт возможность ощутить свою причастность к обоим, не сливаясь при этом ни с одним из них, — вот та пространственная позиция, которую неизменно выбирает «лирический наблюдатель» Ильиных. Он действительно тот самый «убегающий отрок», который «с жадностью осваивает пространства», неистово устремляется «в стозвонные дебри, что спелёнуты розовой негой», его неудержимо влечёт «вольный вылет по небесам», а поистине детская его способность бескорыстно радоваться, обнаружив, что «улыбается лицо у планеты», неистощима. Он чуждается всякой определённости, завершённости, однозначности, смутно ощущая за ней предел всякого движения, всяких изменений и метаморфоз. Он нетерпим к

любому проявлению покоя, ибо покой напоминает ему о смерти, а он страстно и неистово любит жизнь и в полный голос поёт ей «величальный гимн».

Кстати, поёт – в данном случае не метафора. Следуя традиции древних стихотворцев, когда поэтическое слово и музыка были нераздельны, Сергей Ильиных именно поёт свои стихи, и звук его голоса увлекает слушателя в те запредельные дали, которые доступны лишь избранным. Не верите? Услышьте хоть раз этот голос, и вы навсегда узнаете, что такое настоящая поэзия.

Дмитрий Ларкович

* * *

Чего же проще – вскачь, аллюром,
Стрелой, мгновением одним –
Скользнуть и в поднебесье хмуром
Оставить запах или дым...
Но претерпев при всём при этом
Нужду, свистящую как плеть,
Провинциальным стать поэтом
И с миром в сердце умереть.

Меня здесь нет. И здесь меня не будет.
Осенним звёздам я принадлежу.
Пусть каждый раб судьбу свою осудит,
Но я судьбы своей не осужу.

Когда во мне откликнутся устало —
На миг надежды — ваши голоса,
Я буду падать звёздочкою малой,
Как свет надежды, в грустные глаза.

Когда устам придёт предназначенье
Отдать долги: за слово — крестный круг,
Откликнусь я на кроткий скрип качели
Как самый верный, самый первый друг.

А события – мимо, мимо...
Растворяются в них друзья.
Что взлелеяло и вскормило –
Невзначай позабыть нельзя.
Не в бреду ль отбродила брага?
Не в жестокости ль жизнь вразброс?
Из-под век проступает влага –
Вот ответ на любой вопрос.

* * *

Русь, меня не отвергай!
Пусть наивен и беспечен –
Я приду, когда пурга
Вновь твои задует свечи.

Уловив неясный зов,
В путь пущусь по доброй воле –
Весь пропитый и крамольный,
Отпрыск ветреных отцов...

РОДДОМ

Маме

Да, когда-нибудь на скором,
Неизвестный и хмельной,
Я приеду в этот город
Просто так, на выходной.
Как же память-то бездонна!
Разыщу, разбитый сном,
Остов старого роддома
С перекошенным крыльцом
И, оглохший, вдруг услышу
Голос твой над головой...
Я под этой смертной крышей
Принял самый первый бой.
Мама, мама... Неужели
Всё – история: роддом
И двенадцать дней сражений
Меж сиротством и родством?

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

Ты рада мне.
Ты очень рада мне.
Твои глаза сияют
Тёплым светом.
И кажется, что наступило лето,
И рожь заколосилась...
На стене.
В твоей квартире
Властвует покой.
И я невольно время вспоминаю,
Где жизнь была
Хорошая такая,
Где были мы,
Лишь я – совсем другой...
Где, часто сидя
В окруженье книг,
Задумчив был я,
Хмур, неразговорчив,
А ты ходила рядом,
Между прочим,
Как добрый ангел,

Вызванный на миг.
Давно-давно,
Всё было так давно!
Охрип твой голос
от воспоминаний.

А вспомни,
Не была ли мама с нами?
Была, конечно, —
Я далёк от снов.
Она на кухне, сидя у стола,
Вновь — крестиком —
Свой коврик вышивала
И песню про рябину напевала,
И — пьяного —
Отца домой ждала;
И вздрагивала,
Если за окном
Почудятся
Шумы кулачных схваток,
И думала:
Да вроде поздновато
На улице устраивать погром...
И был отец.

Ожидал.
Как знать, как знать,
Не я ль тому виной,
Что смыслу – вопреки,
Но всё же выжил?
Ведь я родился
Вовсе не бесстыжим,
С фантазией
И с трезвой головой.
Но вот забава
Думать о былом!
Всё в прошлом.
Даже наши фотоснимки...
А мы живём.
И кружим, как снежинки,
И падаем, и падаем...
В альбом...

УБЕГАЮЩИЙ ОТРОК

Поэма

В ПРИЮТЕ

(вместо вступления)

Бог свидетель и судьба-пророчица!
Память одноглазая не в счёт.
Это кто там, в тоге одиночества,
Ртом немного голос подаёт?
«Вы за кем приехали? Пожалуйста,
Назовите имя поскорей...».
Это – детство с жаждою ужалиться
У входных захлопнутых дверей.
Робкая надежда – всепрощение –
На ресницы просится упасть;
Там – глаза, земное притяжение –
Самая отчаянная власть!
Зря ль клеймила роковая метрика,
Не взыскав выгоды своей?
Я стою – без нательного крестика –
У входных захлопнутых дверей...

I

Ненастный день. Опять тупая боль.
В отчаянье не вымолвить ни слова —
Лишь тяжкий выдох. И не оттого ль
Я часто ворошу архив былого?
Всё кажется, что именно тогда,
Судьбою изначально искалечен,
Я счастлив был. Хоть новая беда
Исправно вымеряла мои плечи...
На вырост...

Вспоминаю летний дождь.
Когда его в порыве сострадания
Бросало в лихорадочную дрожь,
Он вопрошал с надеждою: «Придёшь?»
И назначал мне тайные свиданья.
Мой милый друг, мой верный опекун...
Кому ещё такой заморыш нужен?
И я, босой, бежал по тёплым лужам —
Вот-вот себя подальше упеку
От серых стен сиротского приюта
И, молнию златую оседлав,

Бессовестно, нахально, нагло, круто
Исчезну за завесою!

Стремглав

Бежать туда – в обитель белых гроз,
В разрывы грома, в лапы водопада,
Где и следа не сыщешь детских слёз
От умопомрачительности грёз,
И больше ничего уже не надо:
Салют, побег! Сомнениям вопреки
Отстирывать, как наволочку, душу,
Все хляби неба на неё обрушив,
Потом упасть в поток большой реки
И плыть, доверясь прихотям стихии.
Вперёд, безумец, к воле вечевой!
Твои дела как будто неплохие –
Их одиночки пестуют лихие,
Расплачиваясь гордой головой.

II

Как дорог мир, доставшийся в бою!
Спасибо вам, спасительные воды.

Мгновение – и я уже стою
На кромке обозначенной свободы:
Застыл закат средь гулкой пустоты,
Меж будущим и призрачным сегодня,
Пылают покорённые кресты –
И лишь один, как флаг победы, поднят
Над миром...

Чу, откуда голос мне
Язвительный: «Сбылись твои надежды,
Теперь небось мечтаешь о коне?».
И, повинуюсь голосу извне,
Я нехотя свои смыкаю вежды,
Банальною усталостью побит.
Но сон нейдёт, а кто-то сердце гложет:
«Сынок, очнись, пожалуйста,
Серёжа...»

И за плечо тихонько тормозит
С настойчивостью дерзкой,
как расплата.

Но где же я? И тут пробила явь:
Ненастный день, больничная палата
И я в бреду, и няня рядом...

Вплавь
Туда, обратно, к вещему кресту!
Ах, уберите эти одеяла...
Я заслужил живую пустоту –
Не эту, нет, а сказочную ту,
Где на кресте мне мама начертала
Простой завет, что дальше хода нет.
Так руки прочь – его я не нарушу...
Я не хочу потрепанную душу!
Ах, мамочка, включи поярче свет,
Чтоб, наконец, и я тебя увидел...
Ужель, скажи, есть праведный закон
Земную жизнь уподоблять корриде?
Ужели я ТОГДА тебя обидел,
Раз в бытие насильно водворён?

III

Я задремал, пропитанный насквозь
Таблетками, укрытый полушалком
От няни... Но врачам не удалось
Меня смирить с обыденностью жалкой.
...О, детский дом, ристалище судеб!

Заброшенная пристань одиночеств,
Которым ненавистен пресный хлеб
Казёнщины пресыщенной и ночи
Бессонные...

Как спрячется заря
Вечерняя за тем дремучим лесом,
В колонну становись – и до утра
Тупая, бестолковая муштра
Под оком гневным. А потом известно:
Зловещий час холодной тишины
Навытяжку, во фронт,
по стойке «смирно» –
Как будто я последний воин мира
И мне не суждено прийти с войны...
Хотя куда мне было возвращаться?
Я стоя спал. Как лошадь. Я не знал,
Что каждому положены от счастья
Его двенадцать граммов...

Убегал
Не только я. Любой малец готов,
Инстинктом беспризорника ведомый,

В землянке иль в поленнице из дров
Устроив, обрести родимый кров.
Тогда его не трогайте – он дома!
И он хозяин! Он и князь и граф –
Пускай лишён изысканности светской.
Зато отмечен хитростью недетской.
И даже если в чём-нибудь неправ
Бывает он, то вида не покажет,
Юлой скользнёт – и в воду все концы.
Лишь воспитатель равнодушно скажет:
«Без пуговиц, опять рубашка в саже...
Не дети, а... сплошные стервецы».

IV

...И дивен был болезни краткий сон.
Меня как будто избегали муки.
Как будто вирус жизни занесён
В сознание – и замирали звуки
И, новыми аккордами струясь
В симфонии вселенского оркестра,
Мне помогали духом не упасть.
Но как покинуть пасмурное детство
И выжить?

Неизвестен этот путь.
Осталось лишь влекущее познание
Иного... Чрез себя перешагнуть,
Назад руками воздух оттолкнуть
И взмыть навстречу тайне мироздания
Пушинкою ленивой и шальной...
И вдруг – подъём!

Так просто, без усилий
Невидимые крылья уносили
Меня всё дальше, дальше! Эй, постой,
Не жмурься и поверь,
совсем не страшен
Полёт над речкой, лесом золотым
И наготовю приунывших пашен
В преддверье снега скорого...

«Летим? –
Всё тот же голос шепчет на ушко,
Гнусавеньким одаривая смехом. –
Не лучше ль робким действовать
шажком?

Себя искать всегда идут пешком –
Вернее нет основы для успеха.

Поклон вам, облака!
Я с жадностью осваивал пространства.
Но счастья миг печален был слегка –
А кто поймёт, что вырос я в силках
И что с несправедливостью подрался
За всех бритоголовых пацанят?
Поди поймай-ка чёртову удачу...
Не потому ль мечты стыдливо прячут
И, словно драгоценности, хранят
В загашниках натур неудержимых?
Границы государств не стерегут
Так ревностно! Кровавые режимы
Замков прочней не создали...

И тут
Случилось нечто странное со мной:
Я в судорогах бешеных забился,
Обуреваем яростью слепой,
Рванулся вон из плоти и стрелой
К неведомым пределам устремился.
Божественный меня окутал свет!
Простым глаголом он не описуем.
А стоит ли о том трезвонить всеу?

Вопросов – тьма, да где найти ответ
Хотя бы на один и причаститься
Великим смыслом сущего в себе?
Пускай корявость слога мне простится –
Ведь нелегко судьбы листать страницы,
Потрёпанные некогда в борьбе.

VI

Ну что ещё припомнить я смогу?
Простынка стала скомканной и липкой,
А я – селёдкой в собственном соку...
А ночь пленяла лунною улыбкой,
И в двух ковшах заиндевила мгла –
Её под утро волей Водолея
Рука Авроры щедро пролила
Росинками на землю, не жалея
Ни капли...

Я протопал в коридор
И, никого вблизи не обнаружив,
На цыпочках пробрался, словно вор,
К входным дверям, открыл тугой запор

И с любопытством выглянул наружу.
О, Господи! Сплетений теней,
Тревожное шуршание во мраке
Листвы кустов, осипший лай собаки
Неподалёку, благостный елей,
Разлившийся из недр горних высей, –
Всё искушало силой волшебства!
И понял я, как от него зависим
Заложник притяжения...

Сшивал
Свои я мысли в плана полотно
(Вдругорядь не посмел и думать,
братцы),
Но, как в плохом положено кино,
И в этот раз мне не было дано
Из лазарета мерзкого убраться.
Сердечком завладел неясный страх,
И, будто в подтверждение дурного,
Я ощутил: гудит набатом снова
Огромный мир в натруженных висках,
И снова – боль... плывущее вниманье...

И я, роняя воина копьё,
Валюсь ничком и слышу, как в тумане,
Надрывный голос сердобольной няни:
«Ох, горяшко ты луково моё...».

ДОМИК

Памяти отца моего

Позови меня обратно в эту глушь.
Мне не надо ровным счётом ничего.
Будет домик, неказист и неуклюж,
Наблюдать за счастьем рабства своего.
Заживут в нём одержимость и печаль.
А под вечер, как заслуженный упрёк,
Проскрипит над дверью
 сломанный фонарь,
Чтобы ветер его к звёздам уволок.
Будут осенью с «Уральской наливной»
Падать к домику червонные плоды,
И запляшет над чумазою трубой
С чёрным чёртиком на пару рыжий дым!

МАЛЬЧИКИ

Лобастые мальчики – взгляд нараспашку,
Они существуют не благостей ради:
Как в парус вонзаются ветры в рубашку,
Коленки прошиты осколками ссадин.
А ночью, у сонных, как звёзды лучатся
Следы – на лице – золотистого лета!
Их в губы застенчиво чмокает счастье,
Их сердце луной сердобольной согрето.
Им, видно, давно не нужны одеяла –
Под ними скрывают трусливую душу.
Им в жизни чего-то всегда не хватало...
Чего?
Эту тайну и я не нарушу.

ЗОВ

Убегаю в стозвонные дебри,
Что спелёнуты розовой негой.
Там резвятся забавные зебры
И живут под забытой телегой.
Там, как сполохи, ястребы реют
И питаются брошенным просом,
Поклоняясь плющу и пырею
И паучьим серебряным кроснам.
Там издревле в дремучем дурмане,
Схоронясь от потешного ока,
Незнакомая сказка поманит
В обителище славы и рока...

Это было.
Когда-то, где-то...
Я не знаю, наверно, сам...
Просто было.
Чудное лето.
Вольный вылет по небесам...
Это детство,
Всего лишь детство!
Это явь
На кончике сна —
Удивительное соседство!
Вот опять манит тишина,
И пространство
Чего-то странно
Ожидает,
Невмочь понять,
Что какой-то мальчонка
Рано
Просто вышел
Рассвет встречать.

НА ИСЕТИ-РЕКЕ

По вечерам, уж ближе к ночи,
Испив под ивой молока,
Исеть-река псалмы бормочет
И молится на облака.

Над ней в кровавом обрамленье,
Раздраживая горла зуд,
Юнцы хмельного поколения
Срамные песенки поют.

А мне бы с ночью тёмной слиться!
И я стою во тьме без слов
И с ивы сорванною вицей
Гоняю редких комаров.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

А помнишь, плескалась листва
В морях акварели,
И словно бутоны – слова
Отчаянно зрели?

Тогда нам казалось: вот-вот
Нальются – и в брызги!
Но им расцвести не даёт
Язык наш капризный.

Тогда озорные глаза
Огнём закипали,
Дразняще зовущие за
Великие дали.

И шли мы к скрещению лир,
Обласканных солнцем,
Туда, где расплавленный мир
К изменам несётся.

И крикнуть хотелось: не трожь
Непознанных сказок!
Но капал щенячий скулёж
С разорванных связок.

В пылу неизбывных кручин
И жалобной желчи
Мы вдруг превращались
 в мужчин,
А девочки – в женщин.

КВАРТИРА № 6

Знакомьтесь: жилище холостяка.
Здесь солнечный луч
наблюдает украдкой,
Как чья-то чужая приводит рука
В унылый порядок уют беспорядка,
В котором привычной беспечности нет,
Но есть лишь разумное творчество лени,
И запахи кофе, вина, сигарет –
Не хуже, чем запах цветущей сирени.

Здесь днём по-отечески мудрый Сезам
Советует в тихий мирок окунуться,
А рядом, в угодку безлунным ночам,
Попутно преследует призрак беспутства:
Уж в пастыри ревностно просится бес,
И ночь — как одно затяжное дыхание,
И нет уже дела до горних небес,
До слёз, до раскаянья и покаянья!

Здесь трещинки змейками по стене
Ползут, заполняя пространство собою,
Как будто решительней станет вдвойне
Всё то, что готово к последнему бою
За равное право на дерзкий дебют
В попытке унять расторопное время...
И здесь незаметно когда-то убьют
Весёлый народ – холостяцкое племя.

Пройди по городу валетом
И стань хозяином на миг!

Но не спеши ловить при этом
Ни чей-то вздох, ни чей-то крик,
Ни чьи-то трепетные веки
С кривыми саблями ресниц,
Ни солнца луч – что на рассвете
Пронзает лазером карниз,
Ни дождь с улыбкою грибною
И с тихим выстрелом в упор,
Ни властный зов, ночной порою
Летящий эхом с дальних гор...

Пойди в пельменную, пообедай,
Считай-рассчитывай гроши
Да расплатиться поспеши!
Авось познаешь вкус победы...

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ

Всё зримей осени приметы.
Грачи призывно протрубят –
Леса златые эполеты
Надены, словно на парад.

Поля стогов построят части.
И, независимость поправ,
Река замрёт и в одночасье
Свой лишний высушит рукав.

И стихнут прежние стихии,
И вдруг смахнут листвы покров
Такие бравые, лихие
Отряды ягод и грибов.

Собой дерев усеяв кроны,
Покинув разом гнёзд уют,
Умолкнут птичьи эскадроны
Пред наступлением на юг.

И без особого резона,
Сродни торжественности той,
Молниеносно и грозиво
Умчится лето на покой.

* * *

Устало и долго плывут по низинам туманы,
И к зимним морозам готовит лежанку река.
Последним крылом одинокая стая поманит,
И ветер листвой подтолкнёт меня
в спину слегка.

Ах, были бы крылья —
я б землю родную изведаль!
Немного наивно, но всё же ничуть
не смешно...
Я помню того бородато-счастливого деда
В правдивом и строгом,
никем не забытом кино.

Когда-нибудь стану солиднее, строже,
мудрее.
Когда-нибудь буду я новые песни слагать
О том, что с годами далёкое солнце чернеет,
О том, что во мне повторяется бедная
мать...

Осень совпала с моею весной.
Осень печаль пролила на пейзажи.
Что происходит сегодня со мной?
Словно под занавес заново зажил,
Словно впервые истому полей
Облачком чистым на небе приметил.
Чем бесполезнее – тем веселей
Просится сердце ночами из петли.
Я не кричу – но с вершины сосны
Позднее эхо откликнется глухо...

Снова я вижу тревожные сны
О похождениях гордого Духа.

ИЗ ДНЕВНИКА

Осенью чёрною ночь еле-еле
Входит в рассвет, растворяется в тень...
Нет, невозможно согреться в постели –
Скверной простудой приветствую день.

Ах, отчего в непогоде бывает
Так, что по улицам разных столиц
Шастает ветер и даже не знает
Наших желаний, походов и лиц?

Я ничего для себя не придумал –
Просто живу в голубом сентябре,
Делаю дело... И нате – продуло,
Словно девчонку по юной поре.

Я ведь неделю на улице не был!
Тут же зараза обрушилась враз,
Срочно бегу за лекарством, а мне бы
Вместо таблеток – слова про запас...

Бабье ли лето умы всполошило,
Встречи мне жёлтая дарит метель.
Бродит и бродит в доверчивых жилах
Горькой любви заблудившийся хмель.

«Ратуйте! – крикну своим сердцедам, –
Ратуйте и предъявляйте права!»
Снова, ко всем моим болям и бедам,
Льстит и ласкает людская молва.

Снова душа забарахталась в порче:
Водка да хлеб... Запасаешься впрок.
Я ли не знал, как пристойно порочен
Белыми нитками шитый мирок...

Барышня, барышня,
не ходи сюды:
бедной головушке
не снести беды.
Сколь уж их было-то,
несмышлёных встреч —
столько отплаканных
горемычных свеч.
Плаваешь — павою —
да глядишь светло,
молодцы молятся
на твоё чело.
Выбери! Вымани,
уведи за дом:
стерпится, слюбится...
разберёшь потом!
Барышня, милая,
не ходи сюды.
Бедной головушке
не снести беды...

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Я помню день сырого сентября.
Тогда в саду вы выкинули номер –
Безудержным влечением горя,
Спросили резко: «Ты ещё не помер?».

Не приведи... попасть на ваш прицел!
С меня лукавых не сводили глаз вы.
И я, виной опутанный, пропел
Подобие сонат из твёрдых гласных.

И вновь терялся в символах примет:
К разлуке или скорому венчанию?
Но вот теперь, с поспешностью отпет,
Я вам стихами всё же отвечаю.

К несчастью, жив...

А как сейчас живу –
Зачем вам знать? Всё это очень странно:
В уме пишу последнюю главу
Не начатого вовремя романа.

ПЕПЕЛЬНОЕ

Что мир казался бледно-одноликим
И что когда-то были мы вдвоём,
Письмо моё единственной уликой
Осталось тлеть в хранилище твоём.

Правдивым быть старался я и кратким,
Но не сумел. И вышла, наконец,
На двух листах постыдной лихорадки
История разрозненных сердец.

...Отчётливо я слышу чью-то поступь.
То – памяти тяжёлые шаги.
И хоть тебе наверняка непросто,
Сожги письмо. Пожалуйста, сожги!

ТАВРО КОЗЕРОГА

Уходил, успокоенный, прочь
От заветного места...
Я тебе не сумею помочь –
Оставайся невестой.

Из немалого скопища воль
Мне досталось немного,
И тавром обозначена роль
На рогах Козерога:

Зарядив на прощанье ружьё,
По-мальчишечьи глупо
Я расстреливал сердце своё
Добровольной разлукой.

РАССТАВАНИЕ

Раз листочек, два листочек
Наземь, оземь головой:
Всё – от тропочек до кочек –
Устилает лес листвою.
Бурый, красный, рыжеватый...
Вон пятнистый – погляди,
Словно птенчик, виновато
К дорогой припал груди.
Долго-долго он прощался,
Ветром северным гоним,
А потом не удержался –
Улетел куда-то с ним.
В вихре танца разноцветном
Отплясал – и был таков,
Сосчитать успев при этом
Переулки меж стволов.

ПОД СЕНЬЮ ОСЕНИ

Просохли на солнце поленицы дров.
Пируют, устав от забот, лесорубы.
Поля в ожидании – скоро Покров,
И небо начнут разрисовывать трубы.
Осталось немного совсем подождать:
Деньки убывают, минуты считая,
На землю вот-вот снизойдёт благодать,
Ленивых снежинок закружится стая.
И станет на сердце по-детски светло,
Забудутся знойного лета занозы,
Однажды помашет волшебной метлой
Метель озорная и...
Грянут морозы!

ПРУД

Старый пруд подёрнут ряской.
Пусто стало на пруду.
И мальки глядят с опаской:
Я по берегу иду.
Я здесь гость, причём случайный,
Знаю, что из века в век
Пруд хранит чужие тайны...
А когда завалит снег,
Тёплый лёд возьмёт в объятья —
Вспоминает он шальной
Шелест девичьего платья
Над притихшею водой.
Вспоминает, как с поклоном
Небо шлёт дождейки вниз;
Утром, с посвистом знакомым, —
Пенье выпавшихся птиц...
Всё старательно он вспомнит,
Каждый день и каждый миг.
Иногда в горячем споре
На рыбёшек пошумит.

И готовится заране —
Как весна расчистит гладь —
На плечах катамараны
С ребятишками катать.

* * *

Достойна ль сожаления разлука,
Когда свою диктует волю рок?
Прошу тебя, божественная злюка,
Запнуться вновь о сирый мой порог.

Я шубу помогу тебе повесить,
Согрею воду, чаем угощу,
И сто твоих правдоподобных версий
Я в космос, как ракеты, запущу.

Пускай они средь звёзд навеки канут,
Взамен оставив неприметный след...
Сожгу я лютой ревности сутану
И выкину злословья пистолет.

Давай вдвоём пройдем чрез очищение
Взаимного и кроткого «прости»:
Понять друг друга – лучшее решение,
Вернее нет и не было пути.

ДОМ НА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

Молитвами моими, милый дом,
Храни себя от умысла разрухи.
Пускай сидят печальные старухи
Под окнами твоими вечером.

Пускай, забыв пристанище своё,
Соседский кот, принюхиваясь, рыщет,
И воробьи беснуются на крыше,
И на дворе полощется бельё.

Пускай под утро снова детвора
Тебя капризной будит суматохой...
Мой бедный друг, пожалуйста, не охай
Над участью столетнего вчера.

Дожди — как повелось уж испокон —
Живой водою боль твою омоют,
И в сердце отзовётся немотою
Ближайшей церкви погребальный звон.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Сегодня предвестником
будущих стуж
Над городом снег пролетал
И, плавно кружа,
на развалины душ
Сугробы любви наметал.
И было так много
восторженных слов,
Но больше — несделанных дел.
И было так тихо,
спокойно,
светло —
Как будто весь мир опустел.
И вышел сосед —
покурить —
на крыльцо,
И молвил, на снег осердясь:
«Хорошего мало...
растает — и всё,
И будет такая же грязь...».

СОН

...И снился мне какой-то суший бред:
Декабрь на дворе – и ни снежинки!
И так порой смешны зимы ужимки,
Особенно в бесплодном декабре.

Она, как девка, шлялась телешом
По улице чужой и бесприютной.
А человек набросил капюшон,
Из горлышка отпил водицы мутной
И зачитал погоде приговор,
Клеймя её неистовым проклятьем –
В том смысле, что от века, с давних пор
Зима носила свадебное платье...

И вдруг пошёл такой спокойный снег,
Так нехотя и так лениво шёл он –
Что замерли глаза под капюшоном,
И тихо помолился человек.

ВЕЧЕР

Короток день зимою длинной.
Весь вечер, кухню задымив,
Сидишь и дуешь чай с малиной
Под незатейливый мотив.
Лениво поборов сомненья
И чашку сотую допив,
Берёшь себе под настроенье
Последний модный детектив.

Замирая, снег в окно летит,
И минуты так однообразны...
А зима за пазухой хранит
Дерзкие по замыслу проказы.

Ты скользнёшь с опасного крыльца,
Раскрывая душу ей навстречу,
А потом полюбишь до конца
Вечера, когда колдуют печи.

У зимы глаза, как у щенка, добрые,
Но помнишь, между прочим, —
Даже летом, как горит щека
От её неласковых пощёчин.

В СУГРОБЕ

Нет, не поспеть мне за резвой позёмкою –
С ходу зарылся в глубокий сугроб!
Шапку в руках я растерянно комкаю,
Ветреной барыни верный холоп.

В свете луны одинокой глаза её
Ласковой яростью сверлят насквозь
Душу невинную. Вот наказание!
Смилуйся, матушка, гневаться брось.

Я ль не служил тебе верою-правдою?
Я ль не построил твой чудный чертог?
Я ль тебя песней весёлой не радовал,
Коль поднесёт мне на радостях Бог?

Ты ль не крестила ослушника заново,
Сердце в купели январской крепя?
С давней поры, кроме посвиста санного,
Нет ничего уж дороже тебя...

Жду: оседлает хозяйская палица
Спину холопскую вдоль, поперёк...
Глядь – холодком надо мной развевается
Шёлка китайского смутный намёк.

НЕВЕСТА

Оступилась ненароком на бегу —
Оказалась, как Снегурочка, в снегу.

А прохожий так настойчив был и смел —
Спелым яблочком румянец заалел.

Горячее побежала в жилах кровь,
Окрутила девку первая любовь.

Шли по улице с парнишечкой вдвоём —
Расцветал на солнце белый окоём.

А нагрянула весёлая весна —
Ни покоя, ни заботушки, ни сна...

Словом, вволю понатешилась, всласть!
Вместе с яблонькой фатой обзавелась.

СЛЕДЫ

Благословенье твоему побегу!
С весёлым буйством лёгкого винца
Так торопко бежала ты по снегу
От моего туманного крыльца.

И словно скован ласковою ленью,
И улыбаясь, будто невпопад,
Я своему внимал соизволенью
В немом строю восторженных рулад.

О, Бог ты мой! Твоя ли это жалость
Пришла на помощь, сердце растопив,
Когда моя гордыня унижалась
И камушком катилась в обрыв?

Так пусть опять, как прежде,
стынут клёны:

Твой образ в их заснеженных ветвях...
А я согреюсь шарфиком зелёным,
Который ты забыла второпях.

ТЕБЕ

Н.

Оплетается сердце чужим говорком.
Этот город, казалось бы, с детства знаком.

Этот город ещё с достославных времён
Был в такую девчонку когда-то влюблён!

И метался в бреду удалой паренёк:
«Я б к перинам исетским тебя уволок,

Я б забыл про отца и родимую мать –
Лишь бы ноченькой тёмной
тебя обнимать!».

Только... выветрил ветер обманчивый
хмель,
И следы замела озорная метель,

Полоснув на прощанье своим холодком.
Отчего же любовь – да с чужим говорком?

Отчего же тоска – да с туманом в глазах?
Оттого ль про тебя – всё в стихах да стихах?

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ

Последней ночью весь вселенский снег
Сойдёт с ума и скрестит параллели —
И новый год, как новый человек,
Появится в мятежной колыбели;
И растворятся цифры и слова
В беснующейся белой круговерти,
И жизнь свою захочется сломать,
И не иметь понятия о смерти,
Но верить — до секунды — в первый день
И в будущее кроткого младенца...
Айда, браток, — ушанки набекрень —
Забавные выписывать коленца!

* * *

Как любить тебя?
Безоглядно ли,
иль с мужицкою хитрецей?
Помнишь,
тихо снежинки падали,
словно скованные лентой,
и сверкали огни весёлые
в окружении нежных звёзд...
Новый год наступал.
Но всё ли мы
принимали тогда
всерьёз?

Красиво выглядела ложь.
И так, наверно, было сладко —
ножом по сердцу!
Ну, так что ж...
Я поднимаю этот нож,
как брошенную мне перчатку,
как тайну выбора и как
сомнений тягостных кончину:
благослови
(такой пустяк —
попасть нечаянно впросак)
мою нелепую причину
на снисхожденье...
Так и быть.
Зачем тревожить душу рвением?
Знакома мне иная прыть —
коварный узел разрубить
с изысканнейшим извиненьем!
Ведь я люблю...

ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Оборолло коварное слово...
Без опаски, беспечный ведун,
Я себе нашаманил такого!
Сирой клячей плетусь в поводу.

Равнодушно встречаю рассветы
И с тоскою гляжу на закат.
Эх, дорожка разбойная, где ты
Схоронила заветный булат?

Где твоя заждалася сторожка
Тех, кто сердцем крутенок и мил?
Видит Бог: пошалил бы немножко —
Как, бывало, мой прадед шалил!

А чего... Помирать без опаски
Веселей и почётней вдвойне:
Хоть сгожусь

для рождественской сказки,
Словно закусь при добром вине.

* * *

Я зазывал тебя по-разному:
Был изворотливей, мудрей.
Но не запас припасов на зиму,
Как самый глупый из зверей.

Ушла послушною медведицей
В свою берлогу. Скорбный путь
Лампадкой звёздною осветится,
Чтоб жизнь мою перевернуть.

А впереди уже мерещится
Капли резвой перезвон —
Вот-вот отъявленной грешницей
Весна рассеет белый сон!

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

Обещали день погожий,
Оттого душа – вразброс...

Больно, часто бьёт по коже
С ветром спорящий мороз.
Заплетаются в смятенье,
В горсть блудливой кутерьмы
Перепады настроенья
С перепадами зимы.

Ох, уж эти наши сроки...
Повелось из года в год –
Ошибаются пророки
И властители погод.
Вот опять, прогноз читая,
Диктор сердце холодит.

– Где ты, оттепель святая?
...приходи!

МАРТОВСКИЙ САВАН

Бежало всё в тартарары:
Ручьи, машины, время, люди...
Играли тысячью прелюдий
У школы вопли детворы.
И мерзок был простудный март
В преддверье лета и гулянок!

Опять будильник спозаранок
Зовёт бессовестно на старт
И не даёт никак забыть,
Что ты ещё кому-то должен,
Что не спросив Шекспира дожил
До сокровенного «не быть»...

Вновь весна забрасывает сети —
Уж туман колдует над рекой...
В полнолуние, в сумеречном свете
Мысль не поспевает за строкой.

В эту ночь пьянящего апреля
Я о многом мог бы рассказать,
Но стою я, строчками прострелян,
И одно твержу себе: молчать...

Да куда мне с вёснами тягаться!
Тщетно всё, коль разрывает грудь.
Даже если очень постараться —
Всё равно сегодня не уснуть.

ВЕСЕННЯЯ ДУРЬ

– Весна, весна!
Зачем же ты издревле
дурманом
обволакиваешь Русь?
Пьяным-пьяны
качаются деревья –
пойду и я, наверное,
напьюсь...

И пусть на мне
твои бренчат оковы,
визируя
неплановый визит,
когда наш кореш –
местный участковый
моей персоне
«мойкой»
пригрозит –
не уступлю я
занятый рубеж, но
пойду на мировую:

«Старина,
весна — ведь это...
так же неизбежно,
как солнце утром,
а в ночи луна,
как жизнь и смерть
с их общим узким устьем;
весне — и той
отпущен
малый срок...
Давай, братан,
по чарочке пропустим —
не на дорожку,
а на посошок...».

— А ты, весна,
взмахни-ка опахалом —
роди себе
поэтов и певцов;
тогда и я,
уже не вполнакала,
твою красу
оплакивать готов!

ЗАБЫТЫЙ ВОКЗАЛ

Мне цыганка гадала весной,
Что вот-вот повстречаюсь с тобой.
Я подумал: да что за пустяк...
Но поверил и отдал трояк.

И с тех пор я в свой паспорт вписал:
Место жительства – шумный вокзал;
Как в доспехи, в молитвы залез,
Чтоб привёз тебя синий экспресс.

У старух я скупаю цветы –
Вдруг сегодня появишься ты?
Только станция наша мала
И экспрессу «зелёный» дала.

Ах, в отца, говорят, я упрям!
Я старухам сторицей воздам...
Но меняет окраску листва –
Снова жизнь оказалась права.

Спит в глубоком тумане луна.
Я тумана изведаль сполна.
Я давно уж не дерзок, не смел
И не жду никаких перемен.

И бегут, и бегут поезда...
Им уже не вернуться сюда —
На забытый тобою вокзал,
Где тебя я весь век ожидал.

* * *

Воробьи гарцуют лихо,
Лужи вдребезги разбив.
Ах, весенняя шумиха –
Самый искренний мотив!

Сосны гордой колоннадой
Утверждают жизни власть.
Ничего-то мне не надо,
Лишь бы жить не суетясь.

УТРО

Промозглая пустошь исетских долин.
Светает. В плену золотого излома –
Конёк твоего сиротливого дома,
Как будто сошедшего с русских картин.

И так неприветливо, так тяжело,
Со стоном вскрываются ставни
старушки.
Мгновенье – светлеют их спящие души,
И первые блики лупцуют стекло.

Уж сон отлетает в кипучую высь
Под лёгким нажимом нежданной
прохлады.
Откинь покрывало ленивой услады
И тихо, с надеждою, перекрестись.

ВЕСТНИК

Давно теплом не балует погода.
Всё тучи, тучи, тучи над страной.
А где-то там, за кромкой небосвода,
Звенит зари звоночек озорной.

Вздохнёт сосед: «Такого не бывало...».
Вздохну и я... мне нечего сказать.
Ну что тут скажешь, если над Уралом
Висит проклятья чёрная печать?

Вздохнёт сосед – и эхом отзовётся
Печальный вздох продрогших тополей.
Лишь воробей, предчувствующий солнце,
Чирикнет чище, звонче, веселей.

НИЧЕЙ

Прости мне прегрешения мои:
Как при луне, приливы и отливы...
Хотя б на миг терпенье сохрани,
На милость гнев несправедлив сменю,
Покуда зреет замысел счастливый,
Нависнув над невидимой строкой
Едва-едва колышущим виденьем.
Покуда не грозит смерть клюкой,
Не пой псалмы свои – за упокой
Души бродячей. Мучаясь бездельем
Во мраке нескончаемых ночей
Под возгласы и вопли паровозов,
Пытаться спать – и не сомкнуть очей
Лишь потому, что я опять ничей,
И ждать меня нет смысла.
До морозов...

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

Не колдуй надо мной, Асипава.
Отсуши меня, отсуши.
Что за дьявольская отрава
Баламутит родник души?

Отчего так призывно звонок
В околотке полночный крик?
То из чрева любви бесёнок
Неожиданно вдруг возник.

Разорвав золотые звенья
Той цепи, что плели в бреду,
Он сплавлял по реке забвенья
Наших тайных надежд звезду.

А потом ты бросала кости
Мне, зверёнышу своему!
Их я грыз на твоём погосте,
В непроглядную скалясь тьму.

Но теперь я решил: разрушу
Этих чар колдовской расчёт..
По мою безгрешную душу
Вызывал тебя к жизни чёрт.

ЖЕНЩИНА У ЗЕРКАЛА

Зачем без пользы пред тобой стою...

Глаза чисты –

возможно ль не поверить?

Ты отнимаешь молодость мою,

и горше не придумать мне потери.

Всё кажется: морщинки второпях

бегут к лицу, согласно потакая

тебе, о зеркало...

Да растворится в прах

вся роскошь отворованного рая,

что так умело прячешь за стеклом.

Приучена давно я

без жеманства,

без ложной лести

властвовать вдвоём

и полюбить сумбур непостоянства.

Так отчего тоскую пред тобой –

глаза в глаза,

но глаз поднять не смея?

Разбитая бессмысленной борьбой,
смогу ли я
стать капельку сильнее,
о зеркало!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Тёплой ночью в июле
Темнота не бывает кромешной.
То не звёзды мерцают –
Это я, освящённый печалью,
Тёплой ночью в июле
Лунный невод тяну. И неспешно
Лепестки опадают
На ромашке. Последний –
К венчанью.

Тёплой ночью в июле
Так легко основание мрака
Прозревает надеждой...
Но в щемящем, на выдохе, звуке
Тёплой ночью в июле
Распознаешь в мелодии страха
Вызов страсти мятежной –
То доверчивый голос разлуки.

Тёплой ночью в июле
Полонит окаянное детство!

Разберёшь на осколки
И, собрать не сумев
В одночасье,
Тёплой ночью в июле
Осознаешь: отныне не деться
От внезапной поломки...
Это в сердце поселится счастье.

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

В небе нимба полукружье
Робко вспыхнет и растает.
Резко вздрагивают лужи
От шальной ребячьей стаи.
Вот заходится в падучей
Тень холодная, а следом,
Выплывая из-за тучи,
С барских плеч одарит плодом
Солнце – в бархатной короне.
Мир – с такого перепою!
Ничего не надо, кроме
Солнца, луж и...
Нас с тобою.

КАРА

Любимая, ты так сейчас далёко,
Что мёртвой хваткой жизнь берёт
в тиски.

В груди не стук, а журавлиный клёкот,
И времени медлительны ползки.

Зову тебя! Но зрак ночей пустынных
Взирает яро, сумрачно – да так,
Что даже звёзды в небесах остыли,
И потускнел божественный черпак.

Я не приемлю эту кару Божью.
Пошли письмо мне: где же ты и с кем?
Вся плоть моя, пронизанная ложью,
Сжимается в предчувственной тоске.

Зову тебя... один на белом свете...
Не ровен час, однажды разобьют –
В мгновенье ока – так и не заметив,
Любви моей божественный сосуд.

СОНЕТ

Я не хочу юлить перед тобой.
Мои слова выросли и мужали
И каждою своею запятой
Тебе одной всегда принадлежали.

Я, может, неудавшийся поэт
И самый зауряднейший писака,
Но будет мир не раз ещё воспет,
Обласкан мной, оплёван и оплакан.

Я знаю, что не в силах запретить
Тебе мою же силу ненавидеть
И, прячась, оглушительно любить,
На всё и вся в нешуточной обиде.

Терпение даёт мне силу слов...
Но как жестока гордая любовь!

ЧУЖОЙ

Когда в покойные минуты
Душа твоя погружена –
Не миновать мне лёгкой смуты,
Ведь ты по-прежнему одна;
И я, не зная подоплёки
Твоих мучительных причуд, –
Такой чужой, такой далёкий
И не любим тобой ничуть.
Как будто мы – едва знакомы –
Судьбу вершили наугад:
Поправ житейские законы,
Наш мир крушением чреват;
Как будто были понарошку
Слова, пролитые дождём;
Присев на дальнюю дорожку,
В четыре стороны уйдём...
Но в этот миг скулящим стоном
Мой дух взрывается в груди!
И я, припав к твоим ладоням,
Шепчу тебе: «Не уходи...».

МЕЖДУ ВДОХОМ И ВЫДОХОМ

Володе Шадрину

Давят годы мне на плечи,
Меркнет нрав.
Кто сказал, что время лечит, —
Был не прав.
Всякой в нём довольно смуты.
Может быть,
Шлёт оно свои минуты —
Нас добить.
Столько сделано ошибок —
Нету слов.
Столько принято ушибов
И пинков...
Брёл, бежал — хоть по лбу тресни —
Напролом.
Что скулить? Итог известен:
Поделом.

ЭЛЕГИЯ

Что вам душа моя, скажите,
Что вам судьба моя, ведь я –
Лишь одинокий грустный житель
Российского небытия.

Как вы – годами искалечен,
Как вы – с собою не в ладу,
Всё чаще думаю о вечном
И чуда жду от смысла дум.

И пусть я изредка читаем,
Но мне хоть что-то удалось...
Я даже стал сентиментален,
Как будто мало в мире слёз.

Успокоился. Выстоял. Выжил.
Задубел под презрительный гам.
Навострил быстросходные лыжи –
То-то радости бойким ногам!
И тотчас понесло, покатило,
Подтолкнуло в последний рывок!
Словно гончая, сердце завывало...
Я такого предвидеть не мог.

* * *

Я скучал по телу твоему,
Изнывая в холоде желанья.
Снилось мне, как в розовом дыму
Ты мелькнула мимо белой ланью.
А моя терзалась душа
В страхе от всевидящего ока...
Боже, как была ты хороша
И: такого близкого далёка!

СВАДЬБА

Заплутал
в лесу опять я.
Жаркий день катил к концу...

Глядь —
берёзку в белом платье
тополёк ведёт к венцу.
Сизокрылая пичужка,
словно сваха под хмельком,
хвалит лучшую подружку
перед лучшим женихом:
— У невесты-то осанка...
просто глаз не отвести!
Даже матушка полянка
не скрывает
за-ви-сти.

Восхищаются опята:
— Ах, какая красота
эти серьги из агата,

это платье...

А фата!

Где-то рядом, у опушки,
шустрый маленький ручей
сыплет звонкие частушки
под ансамбль скрипачей:
— Что нерадостна, девица,
слёзы горькие ручьём?
Лучше в речке утопиться,
чем рыдать пред алтарём.

Залетел бродяга ветер —
всё затихло сей же час,
а потом вдруг
листья,
ветви,
травы —
все пустились
в пляс;
всё кружилось
и вертелось,
всё ходило ходуном!..

Ну, и мне не усиделось –
сам
пошёл
плясать
потом.

ВОЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

О.В.К.

1

Я брёл в апрель, как много лет назад,
При каждом шаге сердце спотыкалось.
О, как искал я твой случайный взгляд!
О, как пленяла сладкая усталость
От поисков – заведомо пустых –
На перекрёстках пройденных дорожек!
И понял я, что нет тебя дороже,
Что онемел мой безотрадный стих,
И снова в острие карандаша
Барахтается глупая душа,
Пугаясь откровенного признанья...
Скажи мне, кто придумал расставанья,
Когда бесценен каждой встречи миг?
Мне не понять предвзятости подобной.

Но если слово вдруг сорвётся в крик –
Пойми меня, пожалуйста. Попробуй...

Попробуй же принять меня всерьёз.
Я начисто лишён самообмана
И, наблюдая за паденьем звёзд,
Уж не ловлю их неводом тумана,
Как в юности, – все это позади.
Теперь иное народилось чувство,
Которое уловками Прокруста
Я тайно приспособил на груди –
И вот почти седеющий пострел,
Что снова оказался не у дел,
Свою ревниво охраняет ношу...
Ах, как легко однажды сесть в калошу!
Когда-нибудь я страхи подавлю
И сам нагим рискну идти по краю...

Тебя устроит бледное «люблю»,
А я с волненьем кротким – обожаю.

С волненьем кротким я накоротке.
Хотя чего, казалось бы, стыдиться?
Привычны будни, коль в твоей руке
Давненько прижилась уже синица,
Готовая в любой момент воспеть
Всё то, что раньше не было воспето.
А что любовь? Для всякого поэта
Она лишь повод, а иначе — плеть,
Погонщица невысказанных слов
Которым нужен стихотворный кров
И тяжкие уроки совершенства...
Но сколько мук великих и блаженства
В загадочном брожении, когда
С тобою вместе воздыхают рощи...

Когда б не это маленькое «да» —
Влюблённому бы много было проще!

Мне проще отказаться от себя,
Но ты чиста и трепетно ранима.
Судьбу твою за платье теребя,
Нечаянно не повредить бы имя,
Рождённое от солнца и волны
В согласии с законами Вселенной.
Не зря же преклоняются колена
Счастливец волевых, что не вольны
Оспаривать решения! Иной
Страдает так, что платит головой,
Стремясь непоправимое поправить.
Однако нет в любви разумных правил!
Составить их я тоже не берусь
И тем уже доволен, что не смею.

Я от себя с восторгом откажусь –
И это всё, что в жизни я умею.

Что в жизни я имею? Лишь билет
До станции с названием Разлука
Предвижу, что минует пара лет –
Болезненных, как чья-то оплеуха,
Блестящих, словно самый
главный приз, –

И я сочту их милою забавой.
А ты меня вниманием побалуй
И любящей на время обратись
Из жалости! Я так же одинок
И заточён в духовный свой острог
Суровое влачить существование,
Где помыслы по клеткам рассовал я
И крепко запер памяти ключом...
Но как судьбу сумеем провести мы?

О чём ты? – спросишь. Я скажу: о том,
Что жалость и любовь – несовместимы.

Зачем несовместимости стена
С поспешностью воздвигнута меж нами?
Ах, только б знать – и будет снесена
Моими неумелыми руками
В мгновенье ока! Только намеки
Кивком или уже известным жестом,
Что все мосты пора открыто сжечь нам –
И я зажгу волшебные огни,
Каких и гениальный не дал маг!
Ведь чудо чаще прячется в умах,
Нешуточной разгорячённых страстью,
И вопреки капризному ненастью
Лишь выход ищет... Это первый сон,
Что по ночам крадётся к изголовью.

Каким бы неуместным ни был он –
Он всё равно останется любовью.

Поверь, что мне совсем не всё равно.
И я не чужд весенних искушений.
Твоё — в потёмках — яркое окно
Манит и, словно яблочко мишени,
Отталкивает робкого стрелка
И вновь зовёт пытаться свою удачу...
Так дай мне к благосклонности в придачу
Последний шанс! Не смейся свысока
Над вящей неуклюжестью манер —
Ведь я и впрямь неважный кавалер
И далеко не княжеского рода...
Да что такое знатная порода
В сравнении с безумием сердец,
Отмеченных божественным касаньем!

Напрасно ли замешивал мудрец
Для ложки счастья бочку с наказаньем?

По горло наказанием я сыт.
А жизнь всегда одни даёт рецепты:
Покуда «Я» твоё не доболит
И до конца покуда не ослеп ты –
Вступай в игру невинных женских чар
И наслаждайся радужной надеждой,
Что где-то с терпеливостью мятежной
Тебя другой покорно ждёт причал...
Не отвергай, о женщина, потом
Того, что принесла с собою в дом
Помпею и вулкан противоречий!
В пылу терзаний пресловутый нечет
Нередко прочный образует сплав
Гармонии семейного уклада...

Всему земному славу ниспослав,
Прошу тебя я: стань со мною рядом.

Отстучало сердце, отболело
По твоим застенчивым очам.
У меня теперь другое дело –
Развлекать бумагу по ночам.

Я сижу, распахнуто окошко.
Ничего, что больше не вдвоём...
По соседству маленькая кошка
Разыгралась маминым хвостом.

Заворчал на кухне холодильник
На свою несчастную судьбу:
Вот опять ему не угодили –
Вылетает жар его «в трубу».

А напротив тихо и красиво
Замирает в небе дивный Спас!
И совсем-совсем миролюбиво
Бьют часы.
Подряд двенадцать раз.

ПРИМЕТА

Пустой стакан скользнёт из мокрых рук
И затрепещет раненою птицей –
И вздрогну я: сегодня лучший друг
Ко мне наверняка не постучится...
Но он войдёт – примете вопреки –
И просто, в оправдание надеждам,
Обнимемся в четыре мы руки,
В прихожей сбросит он свои одежды,
И я налью в единственный стакан
Глоток воды, намешанный с вареньем...
Сегодня он, как проклятый, таскал
За пазухой святое откровенье.

ХУДОЖНИК

Юрию Юдину

Ты встречаешь меня
Неприступным, неистовым, чуждым...
В эту пору, когда
Поневоле хворобой храним
И бежишь суеты,
И томишься вниманьем натужным, —
Никогда не узнать,
Коим замыслом ты одержим.
Никому не понять
Излучения скорбного света
В развороте плеча
И в пальбе из-под хищных бровей:
Это память твоя,
Осторожною кистью задета,
Выплывает на холст
Силуэтами странных теней.
Будто детство бурлит
В раболепном рывке к воплощению!
Вот могутная мать
У остывшей хлопочет печи...

И, забытый давно,
Призывает сознание к скрещенью
Этот вымерший мир:
Не молчи... не молчи, не молчи!
Ну, а я в стороне
Посижу, покурю – и внезапно
Собираюсь домой.
Не мешай-ка, мол, сам. Отвяжись...
На пороге опять
Я услышу привычное: «Завтра
Приходи, и тогда
Мы с тобой потолкуем за жизнь».

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Я им не сказал «уйди» —
Ушли окаянные други...
А после искал по округе
Я их золотые следы,
И в каждом живительный дождь
Сверкал и искрился, и жалость
С сомнением в душе уживалась —
Так с правдой сживается ложь.

Но минуло время, и вот
Шаги возвестили о встрече.
Увы, в этот памятный вечер
Здесь Муза уже не живёт:
Я снова послушный слуга
Застолья на скорую руку...
И вновь призываю разлуку
В друзья, чтоб отвадить врага.

НА СМЕРТЬ ПЕВЦА

Геннадию Фофанову

Обожди, старина, не шути –
Это так на тебя не похоже!

Побираясь, как пёс, в пути,
Время кости столетия гложет.

Для поминок не пробитый час
Огрызнулся укусом пираньи.

Я заметил, что в первый раз
Не рубцуются старые раны.

И теперь хоть кричи, не кричи,
Ненасытной болью измотан...

Будет эхо в глухой ночи
Окликать заплутавшие ноты.

ДЯДЯ ГРИША

Дядя Гриша умер на рассвете.
Остывала трубка на столе.
Был он тих, лицом печально-светел,
А дожить мечтал аж до ста лет.

Был он тих, как спящая царевна.
Без гроша и злобы за душой.
Целый день не ведала деревня
О беде – такой вот... небольшой.

Ночью ветер, верностью колышим,
Бережно отчаянье пронёс...
Это во дворе у дяди Гриши
Отпевал его бедняга пёс.

НАШЕСТВИЕ

Утром прошли корабелы
Строем неровным, и вот —
По небу призраком белым
Парусник гордо плывёт.

Бьётся на рее устало
Порванный флаг золотой.
Кто там стоит у штурвала
С серой на шляпе каймой?

Кто произносит молитвы,
Прячась в шершавую тень?
Кто в ожидании битвы
Нас намечает в мишень?

Вот надвигается тучей
С западных сумрачных гор
Крепкий, тяжёлый, могучий
Чёрный красавец линкор.

Прячемся! Мы уходили,
Брат мой, от разных погонь!
Поздно... Опережали...
Сверху раздалось: огонь!

Пожалуйста – шёпотом, шёпотом...
О чём ты, мой друг дорогой?
О том, что я тоже был шёлковым
В стране под железной пятой?
И что никому не простительно
Кичиться свободой своей?..
Так знай, что всего удивительней:
Чему научили властители –
Мне даже свободы милей!

* * *

Пойду спрошу прохожего,
Дыханье затая:
«Ответить мне не можете,
Где Родина моя?».

Прохожий остановится,
Плечами поведёт,
Присмотрится, как водится,
И... адрес назовёт.

НАВАЖДЕНИЕ

Тише...

Дыхание, брат мой, прерви:

Слышишь,

Как страх червоточит в крови?

Это –

От звёзд прозревающих прочь

Всадники мрака

Несутся сквозь ночь.

Ближе и ближе –

Туда, где не ждут, –

Мчатся на зов

Провокаций и смут,

В сторону лежбища жадных огней

Гонят своих неустанных коней,

В чёрной крылатке –

Червлёной на вид –

Смерть

Высекается из-под копыт...

Снова безумие рвётся вперёд.

Снова затих в ожиданье народ.

Глупая,
Грязная,
Злая страна...
Разве такой ты была нам дана?!

Ужель опять настигла нас война?
Ужель, вкусить успев небесной манны,
Не поняли, что пьяная луна
Брела в Россию призраком туманным?

Война! Теперь куда ни поплыви –
Навряд ли верно выберешь дорогу.
А солнце, раз поплавав на крови,
Нашло на юге новую берлогу.

Да важно ль то привыкшему молчать –
Багровые закаты и восходы?
Позорная клеймом легла печать
На все гербы, знамёна и народы...

ПУЛЯ

Андрею

Как мгновения горьки!
Не способная на жалость,
С жизнью наперегонки
Ты победно пробежалась.

Смерть не любит пустоты –
Души терпят запустенье.
Но какого беса ты
Очутилась в юном теле?!

Сквозь разбитые очки
Смерть не кажется случайной.
Я скажу тебе: почти
Мир минутою молчанья!

То не сказочка была –
Жизнь, по-дикому простая...
Вновь двуглавого орла
Покусала волчья стая.

Я скажу тебе: готовь
Горсть обугленной землицы –
Похоронка на любовь
Поспешает от столицы.

Значит, памяти опять
Возвращаться гневом пьяным.
Значит, вдовам целовать
Только чёрные тюльпаны...

К РОССИИ

Вам искры не найти для мёртвых глаз,
Что ни цветка собой не оросили.
Напрасно смотрит Рукотворный Спас
В глаза России.

Не докричаться в уши мёртвых душ –
Сорвётся голос в тщетности усилий.
Сыграйте лучше похоронный туш
Ушам России.

Прочна печать молчанья мёртвых губ,
В призывном поцелуе не свести их:
В ответ перевернётся бедный труп
В гробу России.

Не дёрнутся ни мускул и ни бровь,
Внимая всенародному конвою,
Когда сынов живая станет кровь
Водой живою.

ОПЕРАЦИЯ НА СЕРДЦЕ

Меня ли ждёт пустая плаха вех,
Коль сердце – эта взбалмошная птица –
Шалит, шалит в груди и, как на грех,
Всё норовит когтями зацепиться?

И я ложусь. Давай, браток!

Вас называют колдунами –
Так поколдуй с моими клапанами,
Чтоб я опять дышать спокойно мог.
Но резво рвётся главная аорта,
И врач в крошечной тишине
По технологии аборта
Выскабливает сердце мне –
И я мечусь в горячечном огне:
Прощай, прощай, пустопорожний век!
Тебе осталось мысленно молиться
За выходцев из племени калек,
Чья участь предначертана: больница
Да скальпеля зловещий вид –
Над тушей – в неуклюжих лапах
Заправленного спиртом эскулапа,
Который знать не знает, где болит,

Но, повинуюсь прихоти капризной,
Разрежет плоть! А после под столом
Готов рыдать в халат за тризной
И грезить о втором больном –
Не одураченном отчизной...

ЧУЖАЯ ЗВЕЗДА

Моё обманное кино,
Моё доверчивое чудо!
Ах, как немыслимо давно
Всё было это.
Но покуда
Затянет кровь рубцы любви —
Едва трепещущая вера
Прикосновеньем Люцифера
Меня напутствует:

плыви!

И я плыву, как в первом сне,
Доверив ветру руки-крылья,
И туч неспешных эскадрилья
Плывёт,

зловещая,

ко мне.

Какой на свете кавардак!
Всё мнится:
Двух миров смешенье,
Как символ смерти и рожденья,
Опять похоже на пустяк —

И покидает нас мечта,
Звенит надтреснутая лира...
Прощай,
 чудовище эфира, —
Моя обманная звезда.

ПОСЛАНИЕ К А.А.

Что прошлое, любезный мой учитель?

Что в спутники с собою мы возьмём?

Увы, всё чаще вы молчите,

Чем терпеливым водите пером

В надежде своему доверить другу

Затейливую ясность ваших дум –

Хоть, верно, я не тугодум

И на медвежью не гожусь услугу.

А посему примите реверанс

Из бедных рифм забытого пиита,

Случайно посетившего Парнас,

И заверения: что было промеж нас,

Ни в коем разе не забыто!

Сведя, судьба нас быстро развела.

Но где же вы? Меня спросите, где я

И что она взамен дала...

Скажу, что нет занятнее безделья –

Все вечера и ночи напролёт

Без устали и дерзко красть у Леты

Минувших лет достойные приметы

И тасовать в пасьянсе. Вот
Какой за вами следует народ:
Ленивый, замкнутый, раздетый...
Но что одежд нам жалкие лохмотья!
И тогу можно сшить из простыни.
А подавать ли нищему повода –
Известно из далёкой старины,
И нового не стану уж искать я
Измене оправданья. Ни к чему,
Отставив мамку, звать куму
И то лишь только потому,
Что у неё попроще платья.

Да полно мне учёного учить.
Но знайте же, мой друг, что год от года
Крепчает глас, готовый возопить:
«О, наших дней убогая свобода!».
Распутная – как девка в кабаках,
Бесцельная – как поприще бродяги,
Которые однажды, второпях
Забыв о всех молитвах и постах,
Решили переспать на стяге
Страны бедовой, во хмелю –

Какую с детства помню и люблю
Без лишней лести и отваги;
Какой когда-то пылко присягал
И, сколько мог, хранил я верность эту,
И тайный смысл присутствия искал.
А что нашёл? Увы, ответа нету.

Порой тоска замучает меня –
Да так, что руки липнут к стопке,
В безумный мир фантазии маня,
Где хлопаешь ладошкой по попке
Хорошенькой и вдруг почувешь робкий
Мотив для буйства и огня.
Что стало с нами в эти десять лет?
Исчезли вовсе лёгкие пирушки;
Их воспевал в посланьях Пушкин,
Скрывая главный свой секрет
О том, что истина... поэт, –
И вверх бокал – и да пребудет вечно
Великий дух романтики беспечной!
Но дух почил. Потомкам от гусар,
Ревнивых обольстителей Венеры,
Единственный достался дар –

Глагол «гусарить».

Впрочем, точной меры
Никто не знает. И наверняка,
Воспользовавшись лексикой былого,
Мы вольно понимаем это слово.

Ну что возьмёшь ты с мужика?
Его всегда позиция крепка:
Бутылка, баба да корова.

Сказать бы можно было и грубей,
Однако прочь тематику коровью.
Предъявим счёт сударыне судьбе:
Жестокость множится любовью
И желчной жалостью к себе,
Протравленному терпким перегаром.
И вот тебе искусный повар зла!
Когда, забив с приятелем «козла»
И выпавшись в своём домишке старом,
Затопит печку с раннего утра –
Такую нам он сварит кашу
Из вил, ножа и топора,
Что я тогда тем паче не берусь
Предугадать дорогу нашу,

Какую не знавала раньше Русь.
И лишь потом случайно, ненароком,
Свалившись в ноги мачехи-страны,
Поймём, что нет противнее войны
И глухи мы к истории урокам.

О, вечности невинное чело...
Не время ли, на вымысел богато,
Нас в путаницу мыслей завело
Коварною ухмылкой циферблата?
Прокуренные, в тесных кухнях мы
Для вольности уж святости не ищем –
Лишь над седым воркуем пепелищем,
 Не избежав ни той сумы,
Ни горьких слёз, ни разочарованья,
Ни этой повседневной кутерьмы
 С её комфортом ожиданья
 Счастливых дней в раю. И что же?
Представьте, новый русский господин,
Едва покинув зэковское ложе,
К позорному столбу нас пригвоздил
С сочувствием: живи, скреби сусеки
И на крови построй прекрасный дом,

Вернее – храм, ну а потом
Итоги с ходу подведём –
Кто не в своём родился веке.

Я всё о том, куда теперь идти.
Моё призванье, кажется, известно.
Хоть выскочки в России не в чести,
Чем больше мнёшь —
 тем круче тесто,
Каков посев — таков приплод!
А что до имени... О, Боже правый!
Я честно сторонюсь поспешной славы
И всё же чувствую: вот-вот
Она сама меня найдёт,
Сама укажет нужный поворот мне —
И поспешу я, долгом одержим
Из каждой захудалой подворотни
Горяченьким стихом пленять режим.
Когда-нибудь все беды пронесутся,
Уродливый веков остынет след,
А власть слепого безрассудства —
Дай Бог другим преодолеть.

* * *

Жизнь ещё не утомила,
Не растрочена пока
Сердца радостная сила,
И верна моя рука.

Но зачем-то чаще, чаще
Вместе с жизнью – впопыхах –
Смерть уравнивает чаши
На твоих, судьба, весах...

ПЕЧАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ

1

Я окунусь во тьму веков.
Там в лёгком облаке кадила,
В венце из колких лепестков
И в знойной тяжести оков
Ты, улыбаясь, уходила.

Как будто не было и нет
Судьбы иной. Ещё немало
Увидит казней этот свет –
Под пенье струн и кастаньет
И звон разбитого бокала.

Ах, как заманчиво мила
Свобода пьяного азарта,
Пока молчат колокола!
Сегодня ты туда ушла
Смиренной жертвою, а завтра –

Когда рассеется туман,
И прокричит большая птица –
Погонит волны океан
Страстей из всех великих стран
И всё сначала повторится:

Бесшумно занавес падёт,
И в скудном пламени софита
Возникнут вновь за родом род,
И потекут за годом год,
Где каждый подлостью пропитан...

2

О, маска старого плута!
С неё под утро шут стирает
Не пыль, но кровь и иногда,
Довольный шуткой, без труда
На детский лик свой надевает –

И тут же, словно невзначай,
Осенним холодом разящим
Пронзит тебя картавый грай:

Ну где он, этот чёртов рай
С его ручным, как кошка, счастьем?

И долго будет падать дождь
В кромешно-грозовом закате.
Ты не поймёшь, но обретёшь
Тупую сладостную дрожь,
Что с головы до ног окатит.

А может, с ног до головы –
Какая разница, покуда
На карнавале все, увы,
Сколь лживы – столь же и правы...
Скажи мне, это ли не чудо?

Попробуй вновь перевернуть,
Попробуй... Ну же... нет, напрасно,
Но манит в бездну заглянуть,
И так желанна эта суть
Неотвратимого соблазна.

...Но ты, воскресшая в другой –
Такой же искренней и чистой,
Пройдёшь своею колеёй,
И лишь однажды образ твой
Скользнёт вдоль клавиш пианиста.

Постой же, музыка, замри
И уступи одно мгновенье –
Пускай остынут алтари
С невинной плотью для игры
В пылу бесполого влечения!

Быть может... Нет, не может быть
И ничего уже не может...
Осталось только повторить,
Запомнить, снова позабыть
Печальный глас: храни нас, Боже...

РАЗБИТЫЙ РОЯЛЬ

О, этот вечер... горестный осенний...
В дремотную закутавшись печаль,
Не спи, разбитый старенький рояль,
В минуты страшных потрясений.

Ведь то не ветры вёрстами пылят,
И вой сирен – не плач слепой метели;
Опять у пулемётной колыбели
В России матери стоят!

Куда, куда от осени нам деться?
Как тяжкий крест великая напасть:
Хромой престол, взъерошенная власть
И крик – разорванный – младенца...

Так не витийствуй и не прекословь
В последний вечер —

жалостный осенний!

От чёрных клавиш – спекшаяся кровь...
От белых клавиш – светлое спасенье...

Я не помню лица своего.
Оттого ли всё чаще и чаще
Этот волчий, с надрывами, вой
Вырывался кутёнком скулящим?

Оттого ли под сенью ресниц
Кровенеют безудержно слёзы
И предательски падают ниц –
Под летящие сзади полозья?

Оттого ли на шкуре моей
Провисает лохмотьями юность,
А любовь от цветущих полей
Белой смертью на миг обернулась?

Потому не виню никого
И, ползя по смердящему полю,
Я не помню лица своего...
Может статься, и вовсе не вспомню.

С каждым днём
 печальней жить.
Чаще взоры устремляешь
Вдаль. Там –
 красную вьёт нить
Горизонта – вечер.
 Знаешь:
Будет завтра – будет всё.
Забываешься во сне ты –
Улыбается лицо
 у планеты,
Ветер дерзок и упруг,
Солнце всасывает сырость...
Встанешь утром, а вокруг –
Ничего
 не изменилось.

О, Небо! Прими моё белое знамя –
Взамен за бедовую нашу страну.
Покорно блуждая в потёмках сознания,
Я раненым лучше в тебе затону.
Быть может, тогда, до конца успокоясь,
В последний момент сквозь тяжёлую муть
Увижу, как тихо пробудится совесть...
Но только обратно не дай повернуть!

В круговороте чёрных дней
Дождись однажды дня такого,
Когда из всех земных корней
Взойдёт упрямо и сурово
Могучий стебель естества.
Поникнет старая трава –
И в муках светлого рожденья
Ты примешь боль за откровенье,
А крик – за голос торжества...

НОКТЮРН

Плывёт, плывёт
хрустальный звон.
Какие думы будит он?
То дружбы тихой
чистый глас
пленит
и будто манит нас:
пора!
Пора, печаль запей,
глуша
железный
звон цепей,
не зная ласковых причин
для злых наветов...
Ты – один –
сидишь и куришь у окна,
и ждёт свидания
луна,
и невозможно
превозмочь
той черноты,

где чахнет ночь,
и где в светлеющей тиши —
не место
для пустой души...

ЭКСПРОМТ

Володе Бурлакову

Ты знаешь, Володька, в остывшей ночи
Приятно друг другу дарить комплименты
И тихо, невнятно, без веских причин
Наматывать сплетен и слов километры.

Когда беззаботно гоняешь чай
И слушаешь сердца спокойную поступь,
Минуты становятся так горячи,
Что встать и проститься
довольно непросто.

Но знаешь, ведь где-то живут караси,
И белки лениво летают по ёлкам...
Ты только не жмись, не зуди, попроси –
Возьмём удилище, палатку, двустволку

И тайно с тобою махнём с ночевой
Туда, где бездонный покоится омут,
Где, падая, звёзды холодной искрой
В какой-нибудь миг поджигают солому,

Где бледные ивы на слёзы щедры,
И сонное тешит ручья бормотанье...
А впрочем, простимся до лучшей поры,
До завтра! До встречи! Адью! До свиданья!

Мой милый друг, не трать напрасно слов,
Побудь не балагуром ты, а букой –
Ведь я и сам, быть может, не готов
О чём-то говорить перед разлукой.
Судьба надолго разнимает нас,
И потому, поверь, душе в угодую
Печаль моя не терпит лишних фраз,
Тем более в ненастную погоду.
Тем более – когда дымится даль,
И сосны встали, словно в карауле,
А осень с неба выжимает сталь
И льёт мелкокалиберные пули,
Что с радостью сражают наповал
Пронзительным своим прикосновеньем.
И город мой уже безликим стал,
Бесформенным каким-то привиденьем,
И даже ты – почти не различим...
И потому грустней мне и печальней,
И потому мы просто помолчим,
Чтоб опьянеть от терпкого молчанья.

СТРАННИК

1

Из этих мест, овеванных моей
Загубленной изменами любовью,
Я уходил тропею дикарей,
Отхаркиваясь порченою кровью.

Взирал печально сумрачный восход,
Хлестала осень моросью угрюмой.
И, словно всё предвидя наперёд,
Не соглашался шаг с восставшей думой.

Но правила в который раз поправ,
Чужую совесть лестью заболтав
И ни о чём уже не беспокоясь,
Я в уходящий загрузился поезд.

Ни ветра трёп, ни трепетанье птиц
В предчувствии ускоренного гона –
Не восстановят вырванных страниц,
Не ссадят из разбитого вагона.

Смахнул слезу последний огонёк...
И тут шепнул мне ангел осторожно
Из-за плеча: ты сделал всё, что мог
И даже то, что было невозможно.

2

Не жалости прошу, но понимания,
Что игр планет беспечных не учёл.
О, солнце, одолей снега изгнания!
О, исцели укусы белых пчёл!

Ты помнишь, помнишь?
Был так величален гимн
Из тех глаголов, что сумел найти.
Ура, ура лучам твоим отчаянным!
Виват, виват их вольному пути!

Я верю: сгинет сумрачное марево,
Растает лёд несбывшихся надежд,
И на челе моём сверкнёт испариной
Тепло, что мы не ведали допреж...

Я решил, что мне предстала Вечность.
И в таком нервическом бреду
Надо мной сжималась бесконечность
В самую зловещую беду.
И прозрел я: странником скитайся
И терзай пресыщенную плоть,
Коли жизнь – сплошное разгильдяйство,
А в душе роится колобродь.
И пошёл... И был не раз я мечен
Той кипенью канувших времён,
Что по-братски пеленает плечи
И ведёт паломника в полон.
И дерзнул я истово проститься –
Ради звёзд погасших впереди...
Но открылась вещая десница
На моём томительном пути.
Будто вихрь в воинствующем танце
Над моей пронёсся головой!
Я забыл о ветреном скитальце,
О дорогах страсти огневой.
Где теперь моё блуждает имя?

Поискал – но так и не нашёл.
Лишь душа, по-прежнему ранима,
Шепчет мне: всё будет хорошо...

4

Шелестят листки календаря.
Суeta окучивает будни.
Где котомка рваная твоя,
Прикипевший к дому старый путник?
Ты забыл движение непогод,
Ты отринул солнечную ласку.
День и ночь – уже который год –
Я твою разыскиваю сказку.
Под дождём упорствует скрижаль,
Не желая мрачных разногласий.
Под улыбкой прячется: «Не жаль...
Всякий путь... не менее опасен...».
А вверху по-прежнему парят
Облака, и жест их бескорыстен...
Вновь и вновь с листком календаря
Ты срываешь древнюю из истин.

Не ищу простых разгадок
У загадочной земли.
Шаг мучителен и сладок,
Но тропу в её порядок
Вмиг метели замели.

Ноги просятся к порогу,
Где добром изба красна...
Глядь – однажды, слава Богу,
Проторённую дорогу
Исковеркала весна.

Я упёртый, мне оплотом
Служит чей-то старый след.
Подскажи-ка, лето, кто там
Пробирался по болотам?
Но ответа – нет как нет.

Будоражит память раны,
Рьяно бьёт об их края –
Это, призрачно-обманны,

Гонит белые туманы
Осень шалая моя.

Побеждённый и пропащий,
Заживляю сердца швы
Упоительно манящей
И духмяной, и бодрящей
Прелой прелестью листвы.

6

Наступит миг –
и к аду или раю,
гонимый сном,
шагну я налегке...
Но прежде выйду,
молнию поймаю,
зажму, как меч,
в слабеющей руке
и, обрета достоинство под ливнем
и трижды тем мечом
перекрестясь,

сознанием своим полусонливым
нащупаю утраченную связь.
Зачем томиться
таинством вчерашним...
Отрину я
взлелеянную грусть
молчания,
предстану говорящим
и с тихим словом
к Небу обращаюсь:
«Вершитель мой!
Не ты ль остался с теми,
кого уж нет?
Пришёл и мой черёд...
Но дай мне шанс
оплакать наше время –
что было,
есть
и что
произойдёт.
О, дай мне сил
в попытке обернуться,

забрать с собою часть
моей вины
и — напоследок —
робко усмехнуться
над дивною улыбкой сатаны...».

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Вдали от родины, от шумных тополей
И свежий воздух кажется излишним,
И сердце бьётся тише, тише, тише...
А память шлёт, в бесплодности своей,
Чужую боль, чужие благодати,
Чужую силу дружеских объятий
И всё чужое! С ночи до утра –
Нелепый сон да мокрая подушка...
И очень жаль, когда стоишь под душем,
Что с мылом не смывается хандра.

ОЖИДАНИЕ ВТОРЖЕНИЯ

Друзья приходят сами по себе,
Без приглашенья и предупрежденья,
И этот миг внезапного вторженья
Угоден мне, а стало быть – судьбе.
И, стало быть, судьба даёт приказ,
Теперь уже самой себе в угоду,
В любую из возможных непогоду
Рассчитывать мгновенья про запас
И даже больше, может, на чуть-чуть –
Тогда приличий рамки и сомненья
Доводятся до саморазрушенья
И так абсурдна ожиданья суть!
И так печёт бессмысленность потерь,
Что ощущаешь времени удушье...

Но все законы гнёт великодушье,
Когда тревожно всхлипывает дверь.

* * *

Дмитрию Ларковичу

И вновь с пытливым «почему»
Ты на меня глядишь сурово.
Поверь молчанью моему,
О, рыцарь дружеского слова!
Я нем, но я не слеп, не глух.
Огонь – покуда не потух он –
Притянет вновь мятежный Дух
Со мною поделиться духом.
Не ради красного словца
Пойми: безмолвье – не обуза;
И даже если на ловца
Бежит услужливая Муза,
И даже если в этом нет
Ни капли злополучной лени –
Я знаю, истинный поэт
Способен преклонить колени
Лишь перед Ним. Ведь лишь Ему
Подвластна слов святая тайна.
Её я жду, а посему
Поверь молчанью моему,
О, рыцарь доблестного стана!

ДАВНО, ДАВНО...

Давно, давно не пишется, увы.
Как будто кто-то перерезал корни.
Как будто средь сухой печаль-травы
Вольготнее, уютнее, покорней.

Но вот скользнёт под нимбами очей
Нечаянное жиденькое жало –
И кинется разбуженный ручей
Наперекор всему, что течь мешало:

Рождённые в предательском огне,
Исторгнутые яростною лавой –
Гордыня, изрыгающая гнев,
И зависть, одурманенная славой.

Теперь молчу и терпеливо жду,
Летая над пустынными степями,
Когда прозреет, выплюнув узду,
Ослепшая в одно мгновенье память...

Глаза забыли, что они глаза,
И до сих пор не вспомнили.
Уши забыли, что они уши,
И тоже до сих пор не вспомнили.
Губы забыли, что они губы,
И теперь болтают без умолку.
Руки и ноги однажды вспомнили,
Что когда-то были рабами,
И сами себя заковали в цепи.
...И человек лишился будущего.

ВИДЕНИЯ НА РАССВЕТЕ

Едва заалееет полоска июльской зари,
Я тайно покину пенаты моих сновидений.
И ангел печальный шепнёт
на прощанье: узри
Зачатие света в золе затухающей тени.

И ветра порыв обозначит рождение дня.
И мысль встрепенётся: ах, как эта ночь
непорочна!
Не слёзы стыда, а своё безрассудство кляня,
Я вдруг обнаружу души обагрённые клочья.

Развеется тьма над счастливой от родов
землёй,
Поманит к себе обновлённое время
исхода —
И чудо свершится в мгновенье,
когда предо мной
Мелькнёт ненароком виденье
незримого плода.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Избегнув лениости лукавой,
по коридорам потайным
души, не тронутой отравой
(что часто величают славой),
приди к хранилищам своим.

Там на дверях – печать разлуки,
там за дверями ждут тебя
судьбы протянутые руки...
Так отопри! И в первом звуке
Найди приметы слова «Я».

О, жаркий трепет нетерпенья,
когда рождается впотьмах
из ничего, из ощущенья
едва заметное брожение...
О, как велик бывает страх!

И так тогда бывает плохо...
Штурмуешь призрачный редут,
и вот — по капелькам, по крохам —
на трон болезненного вдоха
стихи усталые взойдут.

ФОНАРЬ

Что, не судьба? Оставьте.
Вы с темнотой – вдвоём.
Видимо, я некстати
Со своим фонарём...

Ночь – горячей, и пуще
Давит на сон луна.
Будем гадать на гуще
Выплаканного сна.

Может, не станет лучше.
Может, всё это зря.
Я оставляю лучик
Своего фонаря...

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ МАЯ

*Супругам, Диме и Рите,
рождённым в один день*

Музы взывают, стеная.
Логика гиблая, сгинь!
Двадцать девятое мая –
День для богов и богинь.

Ночь заартачится пуще,
Высветит узел дорог.
Пастбище жизней грядущих
Мудрый оракул предрёк.

Числа, законам внимая,
Тайную выпасут быль:
Двадцать девятое мая,
День притяженья судьбы.

Горе заклетьям досужим!
Благовест грянет окрест.
Выбраны главным оружием
Песня, молитва и крест.

Мысли, пространство пронзая,
Будят застенчивый стих...
Двадцать девятое мая,
День извлечения двоих.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЛЮБИМОЙ

Ладошки под щёчку –
Да здоровствует сон:
Пусть добрым и ласковым
Видится он,
Волшебным, как сказка,
Пушистым, как снег,
И тихим,
Как речки начальный разбег;

Прозрачным, как воздух,
И ярким, как день,
Слегка опьяняющим,
Словно сирень,
Зовущим, как песня,
Манящим, как даль,
И светлым,
Как листьев осенних печаль;

Как звёзды лучистым,
Как слово простым,
Как радуга чистым,

Как я озорным,
Немножечко строгим,
Шальным невпопад
И нежным,
Как мамины руки и взгляд.

Ладони под щёчку —
Да здоровствует сон:
Пусть добрым и ласковым
Видится он,
Творящим, как солнце,
Горячим, как кровь,
И крепким,
Как наша с тобою любовь.

ЮГОРСКИЙ ВАЛЬС

В белом поле — ни следа.
В небе прячется звезда.
Только чёрт дерзнёт
В такую глушь забраться.
Я не пьяный, но в бреду
Вновь на свет в окне бреду —
В дом, где чаем встретит
Северное братство.

Здесь бывают чудеса.
Здесь волшебные леса.
Бедный Леший
По болотам пронесётся...
Разыщу свою красу
И в ладошках поднесу
Рыжих отпрысков
Доверчивого солнца.

Друг сердечный, не спеши,
Мы пошепчемся в тиши,
Без утайки вещей сон

Тебе открою:
Как летит моя душа
До седого Иртыша
Вдоль по радуге
Над матушкой-Югрой!

ВОСЬМОЕ МАРТА

Весна щебечет по ветвям
На все лады, на все рулады.
И я спешу с букетом к вам,
Ручьёв минуя водопады.

Восьмое марта! Так легка
И так почти неодолима
Шальная прихоть сквозняка
Развеять прихоть пилигрима!

А сердце просится в полёт,
А дерзость душу окрыляет...
Весна на все лады поёт —
Как будто женщин поздравляет.

Переменная облачность. Дождь.
Кратковременный, правда, но брызжет.
Непрерывно ко мне ты войдёшь –
Откровенная, в радужных бриджах.

Не мигая, ты тихо стоишь
В ожиданье решительных действий
И в надежде на Рим иль Париж...
Ну так что же, пожалуй, надейся.

Я по-прежнему твой и – ничей.
Мне же, в сущности, нужно немного:
Обойтись без дежурных речей,
Любоваться тобой у порога.

Пусть негаснувший наш уголёк
Приласкает и раны зализет.
Я от дерзких терзаний далёк,
Мне глаза твои карие – ближе...

Заливаются псы без умолку,
И гудят по-весёлому печи.
Только смотрит затравленным волком
Вечер.
И приходит на сердце усталость,
И движениями правит беспечность,
И всё мнится: в окно постучалась
Вечность.

ОТШЕЛЬНИК

Прими меня обратно, отче, —
Каким когда-то приводил.
Я встречу издавна пророчил,
Но ждал, пока во мраке ночи
Угаснет мой наивный пыл.

Теперь готов: я мир оставил
В его величии пустом,
Прикрыл потресканные ставни —
И эхо вновь молитвы давней
Не пропускает старый дом.

А в келье молча и послушно
Внимают мыслям образа.
И я уже немного трушу...
И вот уж держат мою душу
Холодной Вечности глаза...

Запоздало звезда отметит
Пропадающий в небе след...

Уплыву я от вас в расцвете
Заразительно звонких лет.
Ненадолго отчалою в гости —
Где-то там, в голубой тиши,
Златорогий трудяга косит
Переросшие камыши.

Он расчистит мою дорогу
В затерявшийся древний грот.
Я в себе подавлю тревогу:
Принимайте... приехал вот...

Я туда доплыву однажды.
Помахав, опущу весло.
Мой товарищ кому-то скажет:
«Понимаете, повезло!».
Повезло? Обновляют где-то
Чёрный крест, что не выбрал ты...
Ощутите себя планетой
Из созвездия Доброты.

А ГОДЫ МЧАТСЯ...

Екатерине Логиновой

О, как порой неуголимы
Сердца на вспышки внешних болей!
О, сколько в жизни погребли мы
Несостоявшихся любовей!
А годы мчатся, мчатся, мчатся...
А голос – глуше, чувства – чище,
Всё чаще хочется участия,
Всё реже – зрелищ, сна и пищи.

Наверно, есть на свете место
Без суеты и круговерти,
Где не свободно и не тесно
И нет понятия о смерти,
И нет ни клятв, ни лжи, ни сора,
И счастье – не синоним мига;
Где судьбы зреют, словно зёрна,
И прорастают в добрых книгах.

Вместо послесловия

ВОЗВРАЩАСТЬЕ

Сергею Ильиных

За каменный пояс Урала,
Сомнения перетерпев,
Оставив на западе алый
Вечернего неба напев,
Слетел я. Сквозь гул самолётный
Мерещился старый мотив.
Я птицею был перелётной
В гнездовьях родительских ив.

Вдоль ветхих смешных палисадов
Скрипят, прогибаясь, мостки,
Глядят сквозь штакетник ограды
Полюнь-лебеда, ноготки,
Крапива – страшней, чем сибирка.
Зато – благодать – только тронь –
Мне мальва сухую просвирку,
Краснея, роняет в ладонь.

Где сопки уходят налево,
Дразня языком ледника,
Висит васильковое небо
На перистых облаках.
Глухих колокольчиков соло
Сливается с тихим «прости»,
Здесь розовой родиолой
В камнях моё сердце грустит.

Игорь Хаджи

Содержание

<i>Дмитрий Ларкович.</i>	
<i>Добро пожаловать!</i>	3
«Чего же проще – вскачь, аллюром...»	7
«Меня здесь нет. И здесь меня не будет...»	8
«А события – мимо, мимо...»	9
«Русь, меня не отвергай...»	10
Роддом	12
Письмо к сестре	13
Убегающий отрок. <i>Поэма</i>	17
Домик	30
Мальчики	31
Зов	32
«Это было...»	33
На Исети-реке	34
Первая любовь	36
Квартира № 6	38
«Пройди по городу валетом...»	40
Осенний призыв	41
«Устало и долго плывут по низинам туманы...»	43

«Осень совпала с моею весной...».....	44
Из дневника	45
«Бабье ли лето умы всполошило...»	46
«Барышня, барышня...»	47
Последняя глава	48
Пепельное	49
Тавро Козерога	50
«Знаешь, я не думаю о прошлом...»	51
Расставание.....	52
Под сенью осени	54
Пруд.....	55
«Достойна ль сожаления разлука...»	57
Дом на Преображенской.....	58
Первый снег.....	59
Сон.....	60
Вечер	61
«Замирая, снег в окно летит...»	62
В сугробе.....	63
Невеста.....	65
Следы	66
Тебе.....	67
Тридцать первое декабря.....	69
«Как любить тебя...»	70

«Красиво выглядела ложь...»	71
Перед Рождеством.....	72
«Я зазывал тебя по-разному...»	74
В ожидании весны	75
Мартовский саван	76
«Вновь весна забрасывает сети...»	77
Весенняя дурь.....	78
Забывтый вокзал	80
«Воробьи гарцуют лихо...».....	82
Утро.....	83
Вестник	84
Ничей.....	85
Золотая цепь	86
Женщина у зеркала	88
Предчувствие.....	90
После ливня	92
Кара	93
Сонет	94
Чужой	95
Между вдохом и выдохом	96
Элегия.....	97
«Успокоился. Выстоял. Выжил...»	98
«Я скучал по телу твоему...»	99
Свадьба.....	100

Вольные сонеты

1. «Я брел в апрель, как много лет назад...»	103
2. «Попробуй же принять меня всерьёз...»	104
3. «С волненьем кротким я накоротке...»	105
4. «Мне проще отказаться от себя...»	106
5. «Что в жизни я имею? Лишь билет...»	107
6. «Зачем несовместимости стена...»	108
7. «Поверь, что мне совсем не всё равно...»	109
8. «По горло наказанием я сыт...»	110
«Отстучало сердце, отболело...»	111
Примета	112
Художник	113
Смятение чувств	115
На смерть певца	116
Дядя Гриша	117
Нашествие	118
«Пожалуйста – шёпотом, шёпотом...»	120
«Пойду спрошу прохожего...»	121
Наваждение	122

«Ужель опять настигла нас война...»	124
Пуля	125
«Сквозь разбитые очки...»	126
К России	127
Операция на сердце	128
Чужая звезда	130
Послание к А.А.	132
«Жизнь ещё не утомила...»	138
Печальная симфония	139
Разбитый рояль	143
«Я не помню лица своего...»	144
«С каждым днём...»	145
«О, Небо! Прими моё белое знамя...»	146
«В круговороте черных дней...»	147
Ноктюрн	148
Экспромт	150
«Мой милый друг, не трать напрасно слов...»	153
Странник	154
Вдали от Родины	162
Ожидание вторжения	163
«И вновь с пытливым “почему”...»	164
Давно, давно... ..	165

«Глаза забыли, что они глаза...».....	166
Видения на рассвете	167
Рождение стиха	168
Фонарь.....	170
Двадцать девятое мая.....	171
Колыбельная любимой	173
Югорский вальс.....	175
Восьмое марта	177
«Переменная облачность. Дождь...»	178
«Заливаются псы без умолку...».....	179
Отшельник	180
«Запоздало звезда отметит...»	181
А годы мчатся.....	182
<i>Вместо послесловия.</i>	
<i>Игорь Хаджи. Возвращастье</i>	<i>183</i>

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность всем своим друзьям и коллегам за понимание, моральную поддержку и посильную помощь в издании этой книги.

Уважаемые читатели! Отзывы о книге можно направлять по адресу электронной почты: raissa.skaiy@rambler.ru.

Сергей Владимирович Ильиных

ВИДЕНИЯ НА РАССВЕТЕ

Книга стихотворений

Под редакцией автора

Рисунки Павла Санникова

Фото Александра Шумая

Вёрстка Пятковой С. Н.

Корректор Бумагина В. П.

ISBN 978-5-7142-1380-9

Сдано в набор 24.01.2012 г. Подписано в печать 7.03.2012 г. Формат 60х84^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,72. Заказ № 179. Тираж 1000 экз.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870, Курганская обл., г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

